

Глава 3

После ухода Ли Шиминя Фан Ина тоже куда-то позвали. Перед уходом он распорядился разместить отобранных Цинь-ваном лошадей в отдельных стойлах.

Так Ли Шэн вместе с несколькими другими скакунами покинул общую конюшню. Рядом с ним шёл абсолютно чёрный жеребец, который по какой-то причине постоянно норовил его обогнать. Ли Шэн недоумевал.

«Что ты творишь? Всего-то переезд в другое "общезитие", а не за призом идём, к чему такая спешка?»

В итоге он просто уступил дорогу.

«Подумаешь. У меня, в конце концов, разум человека, не буду я из-за такого мелочиться»

Однако стоявший рядом конюх похвалил его:

— А конь, которого выбрал Цинь-ван, очень спокойный, совсем не рвётся вперёд.

Слушая это, Ли Шэн почувствовал себя так, словно он снова в детском саду, и воспитательница хвалит его за то, что он послушно стоит в строю.

Система тут же поспешила разъяснить ситуацию.

[Жеребцы обладают сильным соревновательным инстинктом. Необъезженные кони, идя бок о бок, часто начинают произвольно ускорять шаг.]

Их привели в другую конюшню — просторную и хорошо оборудованную. Хотя кормили тем же, условия содержания заметно улучшились.

«Вот что значит иметь влиятельного покровителя» — подумал Ли Шэн, осматриваясь.

Его поставили в крайнее стойло, в прохладном и хорошо проветриваемом месте. Новое «спальное место» ему понравилось.

Однако надолго он там не задержался. Благодаря своей репутации «смирного и понятливого», а также из-за нехватки боевых лошадей, Ли Шиминь взял его с собой в поход.

Как только Ли Шэна привели в расположение войск, ему тут же влили дозу порошка иньчэнь. Впрочем, не ему одному — всем лошадям военачальников, стоявшим в ряду, досталось по

порции лекарства.

Главным ветеринаром в походе был его старый знакомый, Фан Ин. Ли Шэн наблюдал, как тот, держа в руках толстую книгу, что-то сверяет с писарем. Только что выпив снадобье, Ли Шэн подошёл поближе и увидел, что в записях указаны рационы корма и перечни лекарств.

За Фан Ином по-прежнему следовал его юный ученик, кажется, его племянник. Сверяясь с пометками, начальник конюшни наставлял его:

— Летом лошадям нельзя пускать кровь и перегревать их. Следует давать им порошок сяохуан и иньчэнь. По сравнению с весной, нужно увеличить количество отрубей и уменьшить долю зерна. Каждые пять дней их нужно купать в глубоких водах Хэнэя, чтобы охладить и предотвратить болезни.

— Каждой лошади в день полагается один доу проса, два снопа соломы и три гэ соли. Все расходы должны быть строго учтены. Кроме того, на каждый «огонь» из десяти человек выделяется две порции ветеринарных лекарств, которые хранятся у Командира «огня».

Сказав это, он поднял голову и посмотрел на солдат, перетаскивавших тюки с сеном:

— Кто знает, как долго продлится эта война. Нужно заранее подготовить и осенние лекарства. Порошки лифэй и байяоцзы тоже следует иметь в небольшом запасе. Сообщи тем, кто отвечает за транспортировку провианта, чтобы в Гуаньчжуне всё подготовили заранее. Если боевые действия затянутся, даже лекарств для людей может не хватить, что уж говорить о животных.

Ли Шэн слушал с интересом. Он и не думал, что в армии так заботятся о лошадях, даже ветеринаров с собой берут.

То, чего он не понимал, Система тут же объясняла ему — разумеется, только текстом, без картинок и видео. В конце концов, её миссия и заключалась в сборе визуальной информации об этой эпохе.

Фан Ин пробыл недолго и вскоре ушёл. Ли Шэн, наслаждаясь приятным ветерком, невольно задумался о предстоящей войне.

Он уже изучил с помощью Системы все детали этой кампании. Чтобы изменить её исход, ключевой фигурой был Ли Шиминь. Если бы он не заболел, командование не перешло бы к Инь Кайшаню и Лю Вэньцзину, и, возможно, первая битва на равнине Цяньшуйюань не закончилась бы таким сокрушительным поражением.

Ли Шиминь заболел малярией, болезнью, которая на протяжении веков наводила ужас на людей. Во времена династии Цин даже сам император Канси, отправившись в поход, едва не умер от неё. Если уж самый знатный человек при лучших доступных медиках был на волосок

от смерти, можно представить, насколько опасной была эта хворь.

О малярии Ли Шэн знал благодаря учёной, открывшей артемизинин. Когда ей вручили премию, об этом говорила вся страна, и в их школе даже показывали фильм. Он запомнил, что ещё в IV веке даосский учёный Гэ Хун в своём труде «Рецепты на крайний случай, которые можно держать под рукой» упоминал, что для лечения нужно использовать полынь, вымачивая её в воде и отжимая сок.

Но, по правде говоря, где Ли Шэну было взять это растение? Система помогать отказалась — именно для предотвращения подобных вмешательств его и сделали конём. Полагаться на себя? Он, избалованный молодой господин, выросший в тепличных условиях, по правде говоря, не отличал пшеницу от ржи, не говоря уже о том, чтобы найти в поле полынь.

Значит, оставалось только одно — устранить первопричину. Лучше всего было бы не дать Ли Шиминю заболеть.

Малярия вызывается малярийным плазмодием и передаётся через укусы комаров. Раз есть источник, значит, нужно избегать насекомых. Но на дворе стоял июнь, разгар лета, да ещё и в походных условиях. Как тут уберёжешься?

Сколько Ли Шэн ни думал, он не мог найти решения. В расстроенных чувствах он понуро уткнулся в траву.

«Ладно, сделаю всё, что в моих силах, — то есть в лошадиных, — а дальше будь что будет. Я бессилён»

«Система, если мы проиграем эту битву, что со мной будет?»

[Лошади — стратегический ресурс. Вероятно, носитель будет захвачен в плен.]

«А если меня пленит Сюэ Цзюй, ты вернёшь меня обратно?» — Ли Шэну совсем не хотелось служить другому господину.

[Нет. Моя задача — сбор информации. Процесс не имеет значения. Носитель может выполнять эту задачу в любом лагере. Я гарантирую только вашу безопасность.]

Ли Шэн разозлился.

«Тебе-то всё равно, а мне нет! Это же Ли Шиминь! Ты, бездушная программа! Если я буду сражаться рядом с ним несколько лет, моё изваяние установят в мавзолее! Любимый конь императора Тайцзуна! Ты хоть понимаешь, что значат эти слова?!»

Он даже перестал есть. Трава и так была невкусной, а тут ещё и настроение испортилось. Юноша в лошадином обличье угрюмо стоял в стойле, размышляя о своей туманной судьбе.

Армия двинулась в путь. О Ли Шэне хорошо заботились, и его рацион теперь состоял не только из травы, но и из зерна. Грубовато, конечно, но всё-таки еда.

Прибыв на место, его вывели на открытую площадку. Неподдалёку солдаты с энтузиазмом возводили укрепления, а чуть дальше уже поднимался дымок — видимо, готовили ужин.

Поначалу он думал, что в армии еду готовят полевые кухни, а потом все едят из общего котла. Оказалось, всё не так. Войско делилось на «огни» по десять человек. Они вместе ели, вместе спали. Командир «огня» отвечал за приготовление пищи, хранение припасов и заготовку дров и обычно не участвовал в боях на передовой.

«Теперь понятно, почему в древности так ценили землячество. Десять человек живут как одна семья — конечно, надёжнее и сплочённее, если все из одного места»

В тот же день, после обеда, когда Ли Шэн дремал, его разбудил шум. Он поднял голову и увидел Ли Шиминя. За ним следовало несколько человек, по одежде похожих на учёных, но по стати — вполне способных постоять за себя.

«Как произвести хорошее впечатление на начальника?» — Будучи младшим в семье, Ли Шэн прекрасно это знал.

Едва подняв голову, он тут же сфокусировал взгляд на своей цели и не сводил глаз с Ли Шиминя. Когда тот проходил мимо, жеребец даже шагнул вперёд, глядя на него своими чистыми, влажными глазами. Куда бы Ли Шиминь ни шёл, взгляд коня следовал за ним.

Даже в современном мире лошадь — ценное животное, а в суровые времена династий Суй и Тан — и подавно. К тому же Ли Шиминь был известным ценителем коней, а этот фиолетовый скакун был его недавним выбором, да ещё и так к нему тянулся.

Поэтому Цинь-ван подошёл, погладил его по голове, осмотрел живот и вывел из стойла. Идя рядом, он говорил своему спутнику:

— Уцзи, посмотри на моего нового коня. Я назвал его Салучзы.

Мужчина в сером халате подошёл поближе, осмотрел Ли Шэна и даже раскрыл ему пасть, чтобы заглянуть в зубы.

Ли Шэну это не понравилось.

«Эй, ты чего руками трогаешь?»

— Уже четыре постоянных зуба. Ему около пяти лет. Как раз в самом расцвете сил и выносливости.

Хотя Ли Шэну и было неприятно, он понимал, что брыкаться нельзя, и терпеливо сносил осмотр.

Его послушно вывели и оседлали. Едва он привык к этому ощущению, как почувствовал тяжесть на спине — Ли Шиминь вставил ногу в стремя и сел в седло.

Странно, но это ощущение не было для него новым. Когда потянули за поводья, он инстинктивно повернул голову и зашагал. Похоже, это была мышечная память. Значит, его прежнее «я», этот фиолетовый монгольский скакун, был хорошо объезжен.

Ну, раз так, то чего бояться? Последние несколько дней, за исключением коротких послеобеденных прогулок, его держали в конюшне. Он уже застоялся и истосковался по движению. Сегодня наконец-то можно вдоволь набегаться!

Как только Цинь-ван тронулся с места, несколько человек из его свиты тоже сели на коней и последовали за ним. Четверо воинов в чёрных доспехах обогнали их и поскакали вперёд, неся на плечах знамя.

[Таньма — разведывательный отряд в танской армии. Воины несли большое знамя и патрулировали фланги войска. В обычном состоянии знамя было свёрнуто, но при обнаружении противника его следовало немедленно развернуть и поднять, подавая сигнал об опасности. Таньма должны были иметь лёгких и быстрых коней, чтобы избежать плена.]

Ли Шэн понял.

«А, так это разведчики»

Когда разведчики отъехали на приличное расстояние, отряд Цинь-вана двинулся в путь. Они отправились на рекогносцировку местности перед предстоящим сражением. По дороге всадники переговаривались.

— Эта битва будет тяжёлой. Сюэ Цзюй, похоже, настроен решительно.

— Лян Шиду напал на Линьбу, чтобы поддержать тюрков. У тех большие планы. В последние годы они поддерживают и Лян Шиду, и Лю Учжоу. Как только в Срединной равнине начинаются волнения, они тут же пытаются вмешаться.

— К счастью, Го Цзыхэ сдерживает Лян Шиду в Юйлине, иначе мы оказались бы между двух огней.

— Мы так спешно выступили в поход, что я не успел устроить жену и детей, которые только что приехали из родных мест. К счастью, супруга Цинь-вана всегда добра и заботлива к подчинённым, она приютила мою семью в Резиденции Цинь-вана.

Услышав слова подчинённого, Ли Шиминь обернулся:

— Ты так часто говоришь о сыне, а я его ещё ни разу не видел.

— Очень непослушный. Как только я уезжаю, сразу в слёзы, не успокоить.

— С маленькими детьми всегда так.

— Сын Сюэ Цзюя, Сюэ Жэньгао, тоже грозный воин.

— Но слишком жесток. Говорят, он подвешивал богатых горожан вниз головой и вливал им в нос и рот уксус, вымогая деньги.

— Говорят также, что у него натянутые отношения с военачальниками Западной Цинь.

— Что ж, это нам на руку.

Подъехав к густому лесу, Ли Шэн почувствовал трупный запах. В тот же миг в его ушах прозвучал резкий сигнал тревоги, а перед глазами вспыхнул огромный красный экран.

[Внимание! Внимание! Обнаружен труп мужчины в 800 метрах впереди. Он является носителем смертельного патогена. Носителю рекомендуется немедленно покинуть опасную зону!]

Ли Шэн мгновенно пришёл в себя. Смертельный вирус... Малярия!

В исторических хрониках не было точных сведений о том, как Ли Шиминь заразился малярией. Но в том же месяце, когда произошла первая битва на равнине Цяньшуйюань, то есть в августе, Сюэ Цзюй тоже умер от болезни. То, что оба верховных главнокомандующих заболели в течение двух месяцев, вряд ли было совпадением. Многие историки предполагали, что в это время в войсках вспыхнула эпидемия.

Ли Шиминь заболел первым. Поскольку главнокомандующий был тяжело болен, танская армия, вероятно, решила атаковать, чтобы как можно скорее закончить войну и избежать

дальнейших осложнений. Но, возможно, к тому времени многие танские солдаты уже были заражены, и их боеспособность снизилась, что и привело к разгрому. А многочисленные пленные, в свою очередь, занесли эпидемию в армию Сюэ Цзюя, что и стало причиной его смерти.

Так что же было источником эпидемии?

Пережив трёхлетнюю пандемию в своём мире, Ли Шэн прекрасно понимал, какую разрушительную силу может иметь один носитель вируса, особенно в древности, где не было ни лекарств, ни должной медицинской помощи.

Труп впереди в его глазах превратился в тлеющий фитиль бомбы — крайне опасный.

Он остановился как вкопанный, отказываясь сделать и шагу вперёд.

Ли Шиминь удивлённо посмотрел вперёд. Ничего подозрительного. Он легонько хлопнул коня по крупу, понукая, но Салучзы не сдвинулся с места, а наоборот, попятился, издавая низкое, тревожное ржание.

Всадники из его свиты поехали вперёд на разведку. Ли Шэн попытался было их остановить, но его удержали за поводья.

Никаких диких зверей они не обнаружили, только тело. Но в смутные времена мёртвые люди — обычное дело.

Ли Шиминь снова понукал его, но жеребец по-прежнему стоял на месте.

Тогда его ударили. Хлыст со свистом опустился ему на спину, и юноша почувствовал острую боль.

«А-а-а, как больно! Меня с самого рождения никто и пальцем не тронул!»

Но он всё равно не шёл.

Ли Шиминь соскочил с седла и с недовольным видом взял у своего телохранителя поводья другой лошади. Салучзы потянули назад.

Тот упирался, а потом даже схватил зубами край одежды Ли Шиминя, пытаясь оттащить его.

За это его ударили ещё дважды.

В конце концов скакуна всё-таки оттащили, но даже удаляясь, он не сводил преданных глаз со своего хозяина и отчаянно ржал, пока не увидел, что отряд изменил направление. Только тогда он успокоился.

Ли Шэна привели обратно в лагерь и поставили в стойло.

Чувствуя жгучую боль на спине, он был готов взорваться от обиды.

«И ради кого я старался?!»

Вскоре до Фан Ина стали доходить тревожные вести:

— Салучзы избили, нужно ли ему лекарство?

— Жеребец отказывается от корма, что делать?

— Скакун выглядит очень подавленным, может, он заболел?

— Говорят, Цинь-ван разлюбил Салучзы, его могут отдать другому военачальнику?

— Конь всё время смотрит на выход из конюшни, а когда слышит голос Цинь-вана, рвётся к нему. Сегодня чуть не сбежал.

— Он выглядит таким несчастным, так жалко его. Может, покормить его чем-нибудь вкусным?

Выслушав это два дня подряд, Фан Ин почувствовал, что его терпение на исходе. Он позвал своего ученика и велел ему дать Салучзы лекарство. Да что, чёрт возьми, с ним происходит?!

И тут пришла по-настоящему плохая новость: в армии Сюэ Цзюя вспыхнула эпидемия! В танском войске тоже заболело несколько всадников — у них поднялся жар, начался озноб, судороги. В июньскую жару они кутались в одеяла и жаловались на холод.

К счастью, болезнь обнаружили быстро, и больных немедленно изолировали. Цинь-ван был в порядке. Он уже приказал врачам приготовить и раздать лекарства.

Через три дня после этого происшествия пришёл Ли Шиминь.

По предположениям врачей и донесениям разведчиков, источником эпидемии, скорее всего, был тот самый труп. Отряд солдат из армии Западной Цинь, который заболел первым, в тот день тоже был в том лесу, их маршрут полностью совпадал с маршрутом заболевших танских всадников.

Ли Шиминь внезапно вспомнил странное поведение Салучзы в тот день. Почему он вдруг остановился и даже тащил его за одежду назад?

А потом он услышал от Фан Ина, что конь последние несколько дней ничего не ел, был подавлен, но при звуке его голоса рвался наружу. Ему стало не по себе. Услышав, что состояние заболевших удалось стабилизировать, он немного успокоился и, выкроив в своём плотном графике время, пришёл навестить скакуна.

Какой же это был конь! В мире есть удивительные создания, и Салучзы, должно быть, почувствовал опасность и потому остановил его.

А он в тот день, ничего не зная, ударил его несколько раз. Этот жеребец был таким понятливым, он, наверное, очень обиделся.

Ли Шэн слушал разговор Ли Шиминя с Фан Ином и, забившись в угол, отвернулся.

«Хмф. Меня еще никогда в жизни так не обижали!»

«Ли Эр Фэн, ты же сам говорил, что с маленькими детьми трудно? Так вот, сегодня я тебе покажу, каково это, когда тебя по-настоящему трудно задобрить!»

<http://bllate.org/book/16003/1441512>